

© 2015 г.

В.П. СМЕРНОВ

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вопрос о причинах Первой мировой войны возник вместе с началом этой войны, дискутируется уже целый век, и дискуссии пока далеки от завершения. Они тесно связаны с вопросом об ответственности за войну, с идеологией и политикой, глубоко и, порой, болезненно затрагивают национальное самолюбие и национальное самосознание, нередко проецируются на современность.

В научном отношении понятие “причины войны” неразрывно связано с такими понятиями, как “происхождение войны”, “цели войны”, “характер войны”; с проблемами случайности и закономерности в истории.

В трудах нескольких поколений историков разных стран тщательно изучены основные события Первой мировой войны и предвоенного периода, рассмотрены объективные и субъективные факторы, которые, по мнению ученых, являлись непосредственными и более отдаленными причинами войны.

В Первой мировой войне участвовали более 30 больших и малых государств, но ее мировой характер определил тот факт, что друг против друга сражались все великие державы того времени: Германия, Австро-Венгрия, Россия, Франция, Великобритания, США и Япония. Все предшествующие войны, в том числе франко-прусская война 1870–1871 гг. и русско-японская война 1904–1905 гг., были локальными войнами.

Возникает вопрос: одинаковы ли причины локальных войн и мировой войны 1914–1918 гг.? Мне кажется, ответ должен быть отрицательным.

Причинами локальных войн часто были этнические, религиозные, национальные противоречия, территориальные споры, стремление к захвату соседних территорий. Во время войны 1914–1918 гг. они не исчезли, но великие державы, а именно они определили мировой характер войны, не ограничивались локальными рамками. Во многих исторических работах исследованы противоречия между великими державами, которые толкали их к войне друг с другом. Это борьба за рынки сбыта и сферы приложения капитала, за колонии, за господство на море, словом “за место под солнцем”, – как сказал немецкий канцлер фон Булов, – т.е. за гегемонию в Европе и в мире.

Эти факторы обычно считаются главными причинами Первой мировой войны.

Знаменитый французский историк П. Ренувен предостерегал против попыток установить иерархию факторов (или причин), которые вели к войне, однако такие попытки неоднократно предпринимались и, видимо, будут предприниматься.

Советские историки, как и зарубежные историки-марксисты, придавали первостепенное значение экономическим факторам: торговой конкуренции, борьбе за рынки сбыта и источники сырья. Вслед за Лениным они оценивали Первую мировую войну как империалистическую и ее основную причину усматривали в империалистических противоречиях. Сейчас отечественные историки, видимо, желая отмежеваться

Смирнов Владислав Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

от Ленина, избегают терминов “империалистическая война”, “империалистические противоречия” и даже термина “империализм”, который широко распространен в зарубежной литературе. Они как бы забывают, что понятие “империализм” для характеристики социально-экономической системы, важнейшими чертами которой являются ведущая роль финансового капитала и стремление к внешнеполитической экспансии, вошло во всеобщее употребление задолго до Ленина, в начале XX в. после появления классических трудов Дж. Гобсона и Р. Гильфердинга об империализме и финансовом капитале. Конечно, представления Ленина об империализме, как высшей и последней стадии капитализма, неизбежно завершающейся пролетарской революцией, опровергнуты жизнью, но все же как следует именовать общественную социально-экономическую и политическую систему, в недрах которой вызрела Первая мировая война, если ее внешнеполитическим содержанием была борьба за раздел и передел мира?

Часть итальянских и французских историков подчеркивает значение “коллективных страстей” в развязывании войны: разгул шовинизма, роль пропаганды, направленной на создание “образа врага”, разжигание воинственных настроений, формирование психологической готовности к войне.

В последние годы в отечественной историографии высказывалась мысль, “о революционном движении как факторе, способствовавшем назреванию и развязыванию войны”, поскольку “революционное движение, в том числе социалистическое”, хотя и выступало против милитаризма, все же «внесло совсем не малый вклад в формирование того или иного “образа врага”, что затем помогло подвести народы к роковому рубежу»¹. Такая аргументация, видимо, основана на недоразумении. Накануне войны революционеры разных стран, в том числе социалисты и русские большевики, никак не участвовали в формировании “образа врага” и не помогали “подвести народы к роковому рубежу”. Напротив, все они призывали трудящихся всех стран совместно бороться против угрозы войны. Поворот в их позиции произошел только в результате объявления войны и поэтому никак не может считаться ее причиной.

Некоторые современные отечественные историки полагают, что “гораздо более видное место в указанной иерархии факторов должен занять и национальный вопрос. В конце концов, именно он, а не империалистически-колониальный “передел мира” непосредственно вызвал июльский кризис”². Можно согласиться с тем, что непосредственной причиной июльского кризиса 1914 г. был австро-венгерский ультиматум Сербии, а не “передел мира”, но это вовсе не значит, что передел мира нельзя считать причиной всей мировой войны.

Несомненно, все перечисленные выше, да и другие факторы, в той или иной мере способствовали подготовке и развязыванию мировой войны, но нельзя ли выделить из сложного комплекса этих факторов самые важные из них?

Мне представляется, что наиболее достоверное представление о роли различных факторов, которые вели и привели к войне, дает содержание тайных договоров, заключенных во время войны. В них зафиксированы самые существенные для воюющих держав цели войны, а следовательно, и причины, вызвавшие войну. По тайному соглашению Великобритании и Франции с Россией, Россия должна была получить Черноморские проливы и Константинополь, а также восточную часть Турции. Одновременно по соглашению Сайкс – Пико Великобритания и Франция, с согласия России, наметили разделить между собой владения Турции на Ближнем и Среднем Востоке. По тайному договору Великобритании, Франции и России с Италией, Италия должна была получить Тироль, Триест, Истрию, Долмацию и расширить свои владения в Африке. По тайному соглашению Великобритании, Франции, Италии и России с Румынией ей обещали Трансильванию и Банат.

¹ *Истягин Л.Г.* Дialeктика факторов с исторической дистанции. – Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998, с. 58.

² Там же, с.57.

Из материалов комиссии немецкого рейхстага, работавшей после войны, явствует, что, обращаясь в декабре 1916 г. с “мирными предложениями”, Германия рассчитывала добиться присоединения к ней Прибалтики, “исправления границ” с Россией в свою пользу, а также восстановления “русской Польши” за счет России. На Западе, помимо сохранения под своей властью Эльзаса и Лотарингии, Германия намеревалась присоединить французские районы Лонгви и Брие, богатые железной рудой, а кроме того получить бельгийскую колонию Конго в Африке.

Во всех этих документах, а также в послевоенных мирных договорах Версальско-Вашингтонской системы речь шла о территориальном переделе мира, и поэтому можно думать, что именно стремление великих держав – а точнее их правящих кругов – к переделу мира и к достижению гегемонии в Европе и мире было главной причиной мировой войны.

Исключением выглядят Соединенные Штаты Америки. Они не заключали тайных договоров и не предъявляли территориальных претензий. Более того, в “14 пунктах”, “4 принципах” и “5 условиях” президента Вильсона опубликованных после советского Декрета о мире подчеркивалось, что будущий мирный договор не должен содержать “аннексий и контрибуций”, а “народы и области не должны быть предметом размена между государствами, как скот или пешки в шахматной игре”.

Однако комментарии полковника Хауза к “14 пунктам”, его переговоры с руководителями Антанты относительно условий перемирия с Германией и содержание договоров Версальско-Вашингтонской системы показывают, что США также добивались нового баланса сил в мире, хотя и на особых условиях. Правящие круги Соединенных Штатов стремились не столько к приобретению той или иной территории, сколько к экономической, политической и идейной гегемонии в мире; к созданию своего рода “всемирного правительства” в форме Лиги наций под эгидой США.

Интуитивно и психологически трудно допустить, чтобы такое гигантское явление всемирно-исторического масштаба, как мировая война, могло быть вызвано случайными причинами. Однако недавно один из участников современных дискуссий пришел к парадоксальному выводу: “Если проанализировать многообразные причины Первой мировой войны в отдельности, то окажется, что ни одна из них не была настолько важной, чтобы оправдать риск общеевропейского конфликта (хотя бы и кратковременного...). По большому счету у ведущих держав не было достаточных оснований стремиться к войне”³.

Отсюда следует, что войны можно было бы избежать, если бы государственные деятели ведущих держав проявили больше мудрости. Война, следовательно, не была неизбежной и закономерной. Она была вызвана субъективными, т.е. во многом случайными причинами. В связи с этим возникают весьма сложные проблемы вариантности исторического развития, случайности и закономерности в истории. Они далеко отстоят от непосредственно наблюдаемых фактов и поддаются различным толкованиям.

Я не думаю, что можно строго научно доказать вариативный характер исторического процесса, хотя интуитивно он выглядит вполне возможным. Все рассуждения на эту тему сводились к предположениям о том, что бы случилось, если бы случилось то, чего не случилось. Это принципиальная трудность, которую нельзя обойти. Понятия случайности и закономерности в истории тоже далеко не очевидны и трудно доказуемы. Их применение в общественных науках, мне кажется, требует, по крайней мере, уточнений и конкретизаций.

Применительно к истории Первой мировой войны можно считать доказанным, что все выявленные историками факторы обострения противоречий между великими державами толкали их к войне друг с другом. Все они усиленно готовились к войне, но ведь подготовка к войне это еще не война. Война начинается лишь тогда, когда армии одного государства вторгаются на территорию другого государства и вступают в бой

³ Ревякин А.В. Проблемы войны и ответственности. – Первая мировая война. Пролог XX века, с. 65–66.

с его вооруженными силами, а это невозможно без приказов высшей власти. Ллойд-Джордж справедливо отметил, что только правители каждой страны “могли дать роковой приказ, вызвавший к жизни великие армии и бросивший их через границы”⁴.

Очевидно, что важно знать, правители каких стран первыми отдали роковые приказы, положившие начало войне. Как бы не оправдывали политику Германии и Австро-Венгрии сторонники “германофильской версии”, даже они не могут отрицать, что именно правительство Австро-Венгрии с одобрения Германии отдало приказ начать военные действия против Сербии, а правительство Германии объявило войну России и Франции и приказало своим войскам без объявления войны вторгнуться в Бельгию.

Историки давно выяснили, что на решение императоров Австро-Венгрии и Германии начать войну повлияли многие факторы, в том числе состояние общественного мнения, “коллективные страсти”, воздействие ближайшего окружения, личные и династические интересы. Мне кажется, что можно выделить два основных фактора в наибольшей степени повлиявших на их решение: во-первых, представления о государственных интересах, а во-вторых, оценка военно-политической ситуации, сложившейся к лету 1914 г.

Представления государственных деятелей той или иной страны о ее государственных интересах неизбежно носят субъективный, во многом умозрительный характер. Они неразрывно связаны с не менее субъективными и тоже умозрительными представлениями о благе государства, страны и нации; их чести, престиже и достоинстве. Представления такого рода далеко не всегда отражают подлинные интересы государства и народа; нередко даже им противоречат, но, как правило, именно они определяют поведение и решения государственных деятелей.

Император Франц-Иосиф и другие руководители Австро-Венгрии считали, что государственные интересы их страны состоят прежде всего в установлении своей гегемонии на Балканах; в устранении ее главного противника в этом регионе – Сербии, опиравшейся на поддержку России.

В представлении императора Вильгельма II и его окружения государственные интересы Германии заключались в установлении немецкой гегемонии в Европе, в приобретении новых колоний, в борьбе за преобладание на морских путях. Такое понимание государственных интересов имело мало общего с подлинными национальными интересами народов, населявших Германскую империю и Австро-Венгрию, но правители этих стран были непоколебимо уверены, что они действуют во благо своих стран. Во всех воюющих странах, в том числе и в России, государственные интересы служили главным аргументом при решении вопроса об участии или неучастии в войне.

Когда на заседании российского правительства 24 июля 1914 г. решался вопрос о помощи Сербии, мобилизации и участии в войне, министр иностранных дел С.Д. Сазонов сказал: “Если Россия откажется от своей исторической миссии (т.е. от покровительства Сербии и православию на Балканах. – *В.С.*), она лишится всякого авторитета и будет рассматриваться как пришедшая в упадок второразрядная держава”. Опасность потери прежнего влияния и превращения во второразрядную державу выдвигалась, таким образом, на первый план.

Государственные деятели других стран тоже добивались сохранения или расширения своего “места под солнцем”; все они утверждали, что государственные интересы требуют участия их стран в войне.

Другим важнейшим фактором, повлиявшим на решение правителей Германии и Австро-Венгрии начать войну, были их соображения о перспективах будущей войны и наиболее подходящем времени для ее начала. Они полагали, что убийство Франца-Фердинанда сербом Гаврилой Принципом создало такой удобный повод для начала войны, что было бы просто глупо им не воспользоваться. Франц-Иосиф и его приближенные не сомневались, что Австро-Венгрия – великая держава, – опираясь на

⁴ Ллойд Джордже Д. Военные мемуары, т. II. М., 1934, с. 65.

поддержку Германии, легко справится с маленькой Сербией, даже если ей на помощь придет Россия, а разгром Сербии обеспечит Австро-Венгрии господство на Балканах.

В правящих кругах Германии были уверены в быстрой победе над Россией и над Францией, которая приведет к гегемонии Германии в Европе. Такая уверенность, казалось, опиралась на очевидные факты: по развитию экономики, по численности и подготовке армии Германия превосходила и Россию, и Францию. Германский Генеральный штаб рассчитывал внезапным сокрушительным ударом разгромить Францию, прежде чем Россия успеет придти ей на помощь. Как известно, немецкие и австро-венгерские предположения и расчеты оказались несостоятельными, но они легли в основу роковых приказов о начале войны.

В свете гипотезы о вариантности исторического процесса можно спросить, как бы действовали правители Германии и Австро-Венгрии, если бы они знали, чем закончится начатая ими война? Научного ответа на этот вопрос, разумеется, не существует.

Следует отметить еще два очень важных обстоятельства, способствовавших тому, что были отданы “роковые приказы”. Во-первых, окончательные решения принимались императорами, пользовавшимися почти неограниченно властью. Они находились вне критики, которая могла бы предостеречь их от ошибок. Оппозиция в их странах не имела большого влияния и не могла повлиять на решение начать войну, даже если бы она этого хотела. Во-вторых, над всеми государственными деятелями того времени довлело унаследованное от прошлого представление о том, что война – это довольно обычное государственное дело, не влекущее за собой катастрофических последствий. В прошлых войнах даже потерпевшая поражение сторона обычно отделялась выплатой контрибуции, территориальными уступками, в крайнем случае сменой правительства или династии.

Какие выводы вытекают из этих фактов? Несомненно, экономические, политические, геополитические, социальные и иные противоречия толкали великие державы к войне друг с другом. Поэтому можно сказать, что они являлись объективными, хотя и отдаленными, причинами Первой мировой войны. Однако непосредственной причиной этой войны стали субъективные факторы: воля, желания, расчеты правительств тех стран, где были отданы роковые приказы. Субъективные факторы оказались, таким образом, чрезвычайно важной причиной Первой мировой войны. Без их учета понимание причин войны было бы неполным и потому неверным.

Сейчас, когда мы исходим из представления о том, что “фатальной неизбежности” новой мировой войны не существует, а ведущие державы располагают ракетно-ядерным оружием, способным превратить мир в радиоактивную пустыню. Уместно вспомнить об опыте Первой мировой войны, который показывает, что превратное понимание государственных интересов, стремление отстаивать их военной силой и поиски удобных моментов для этого чреваты большими и непредвиденными опасностями.